

УДК 821.161.1-32(Чехов А. П.)+811.124'37. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-51-58. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44+Ш146.1-3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ЛАТЫНЬ А. П. ЧЕХОВА КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Скоропадская А. А.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>

SPIN-код: 4891-7396

А н н о т а ц и я. Статья посвящена анализу авторской латыни в ранних рассказах А. П. Чехова: латинские вставки, содержащие намеренное изменение в грамматике или лексическом наполнении, а также фразы, сочиненные самим Чеховым. Знание латинского языка, обусловленное гимназическим и профессиональным медицинским образованием писателя, становится одним из инструментов авторской поэтики. Предметом рассмотрения стали латинские выражения, подвергшиеся переработке или самостоятельно придуманные Чеховым. Метод текстологического анализа показал, что измененная латынь активно используется писателем в конструировании речевого портрета персонажей, от лица которых ведется повествование: на фоне минимума или отсутствия персональной информации о герое иноязычные вставки становятся внешним маркером образованности. Однако исследованные выражения имеют грамматические или смысловые искажения, которые открываются при внимательном прочтении текста. Таким образом Чехов инициирует языковую игру: через латинский язык писатель вовлекает читателя в осмысление текста, обнаружение в нем дополнительных (зачастую противоположных) смыслов. Латинские выражения создают внешний эффект научности, однако герои, использующие эти изречения, демонстрируют свою интеллектуальную и эмоциональную неразвитость. Авторская латынь становится инструментом пародии и тонкой иронии, которые являются неперенными составляющими идиостиля Чехова, в краткости и лаконичности которого скрывается многослойность аллюзий и смыслов. Современник Чехова относительно легко проникнул в языковую игру, предлагаемую писателем, так как латынь была обязательным гимназическим предметом. Читателю XXI в. необходима помощь в виде научного комментария. Результаты, представленные в статье, можно использовать для дальнейшего, более детального изучения функций иноязычных вкраплений в корпусе текстов русской литературы вообще и авторского метода Чехова в частности. Кроме того, примеры латинских выражений и их стилистическая роль в рассказах Чехова помогут проиллюстрировать прием языковой игры на учебных занятиях в вузе и школе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иноязычные вкрапления; латинский язык; речевой портрет; языковая игра; идиостиль; поэтика

Д л я ц и т и р о в а н и я: Скоропадская, А. А. Латынь А. П. Чехова как инструмент языковой игры / А. А. Скоропадская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 51–58. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-51-58.

A. P. CHEKHOV'S LATIN AS AN INSTRUMENT OF LANGUAGE GAME

Anna A. Skoropadskaya

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>

A b s t r a c t. The article analyzes Latin words and phrases in A. P. Chekhov's stories: inserted Latin quotations containing an intentional change of grammar and/or lexical content, as well as phrases composed by Chekhov himself. Knowledge of the Latin language, due to the gymnasium and professional medical education of the writer, becomes one of the tools of the author's poetics. The object of research includes Latin expressions rewritten or independently invented by Chekhov. The method of textual analysis showed that the modified Latin is actively used by the writer to construct speech characteristics of the characters on whose behalf the narrative is conducted: against the background of a minimum or absence of personal information about the character, foreign-language insertions become an external marker of education. However, the expressions under study have grammatical or semantic deviations, which are discovered by a careful reader. Thus Chekhov initiates a language game: through the Latin language, the writer engages the reader in the process of text comprehension, discovering additional (often opposite) meanings in it. Latin expressions create a flavor of scientific style, but the characters who use these catch phrases demonstrate their intellectual and emotional underdevelopment. The author's Latin becomes an instrument of parody and subtle irony, which are indispensable components of Chekhov's individual style, the brevity and conciseness of which implicitly express multilayered allusions and meanings. Chekhov's contemporaries penetrated relatively easily into the language game suggested by the writer, since Latin was a compulsory gymnasium subject. The 21st century reader needs help in the form of a scholarly commentary. The results presented in the article can be used for further, more detailed study of the functions of foreign language inclusions in the corpus of texts of Russian literature in general and the author's method of Chekhov in particular. In addition, the examples of Latin expressions and their stylistic role in Chekhov's stories can help illustrate the reception of language games in the classroom on the university and secondary school levels.

К e y w o r d s: foreign language inclusions; Latin language; speech characteristic; language game; individual style; poetics

F o r c i t a t i o n: Skoropadskaya, A. A. (2024). A. P. Chekhov's Latin as an Instrument of Language Game. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 1, pp. 51–58. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-51-58.

Введение

Латинский язык в текстах русских писателей – тема, привлекавшая и привлекающая к себе исследователей: обзорные (чаще) и аналитические (реже) работы обращены как к отдельным авторам (например, М. В. Ломоносову [Солопов 2013], А. С. Пушкину [Шаталова 2017], И. С. Тургеневу [Скоропадская 2015], Ф. М. Достоевскому [Васильева 2013] и т. д.), так и в целом к теме латиноязычных вкраплений в русской литературе [Древние языки 2015; Ильченко 2020]. Значимость присутствия латыни в художественных произведениях подтверждается появлением методологических работ, предлагающих использовать тексты русской литературы при изучении латинского языка [Ваганов 2014], а также популярностью справочных ресурсов в сети Интернет, предлагающих обширные подборки латинских цитат в творчестве многих русских авторов XVIII–XX вв.¹

В этом контексте А. П. Чехов не обойден вниманием. Напротив, именно к творчеству Чехова чаще всего обращаются исследователи латиноязычных вкраплений. Во многом тематику исследований задают медицинское образование и врачебная практика писателя: латинский язык – профессиональный язык врачей, что не единожды обыгрывается русской литературой, породившей достаточное количество образов докторов, непременным атрибутом речевого портрета которых становится латынь². В связи с этим многие работы обращаются к медицинской латыни Чехова, например [Жидкова 2007; Шевченко 2013].

Вопрос о латинских цитатах и вставках возникает прежде всего в связи с определением идиостиля писателя, своеобразия его художественного языка. Так, по данным составителей «Частотного грамматико-семантического словаря языка художественных произведений А. П. Чехова» [Частотный словарь 2012], латинские слова и выражения в прозе Чехова являются самыми частотными из всех иноязычных вкраплений [Суровцева 2011: 61]. Объяснение этому исследователи видят прежде всего в том, что латынь в XIX в. являлась одним из основных предметов гимназического цикла, вследствие чего была знакома всем образованным людям. Е. В. Суровцева справедливо отмечает художественно-стилевые функции латинских вставок: маска, за которой скрывается персонаж, ссылка на авторитет, ирония, идея невозможности диалога [Суровцева 2011: 61]. Однако все эти функции обозначены концептивно, подкреплены единичными примерами и занимают в объеме статьи около одной страницы.

В более широком ракурсе латинская афористика Чехова рассмотрена в статье О. С. Ильченко: анализируя наиболее показательные примеры ла-

тинских вкраплений в художественной прозе писателя, автор особо отмечает роль латыни в языковой игре, свойственной идиостилю Чехова [Ильченко 2020: 141]. Рассмотрев около 15 латинских вставок в разных произведениях писателя, О. С. Ильченко дает грамматико-стилистический анализ некоторых из них, обращая внимание на случаи перефразирования латинских афоризмов, за счет чего создается юмористический эффект [Ильченко 2020: 141].

Обстоятельная работа Л. В. Доровских, известного в кругах российских филологов-классиков специалиста по классическим языкам, посвящена анализу латинских вкраплений в переписке Чехова. Людмила Васильевна провела типизацию латинских вкраплений (половицы, крылатые выражения (в том числе в переводе на русский язык), отдельные лексемы, аббревиатуры) и проанализировала случаи их использования в композиции писем, приведя более 50 примеров. Л. В. Доровских констатирует: «активно используемый латинский компонент, отражающий как общеязыковые лексические и фразеологические единицы, так и индивидуальное языковое творчество писателя, является органичной частью русского текста или его переводом, как бы уточняющим значение сказанного по-русски»³.

Приведенные выше примеры исследований латинского языка в творчестве Чехова не исчерпывают тему, а, напротив, подготавливают почву для появления новых ракурсов обращения к ней. Так, наше внимание привлекла «авторская латынь» в ранних произведениях Чехова – латинские вставки, содержащие намеренное изменение в переводе, грамматике или лексическом наполнении, а также фразы, сочиненные писателем.

«Неправильный» перевод

В прозе раннего Чехова латинские вкрапления встречаются с определенной периодичностью: в произведениях, написанных до 1887 г., нами было обнаружено более 80 латинских вставок, разнообразных по форме и содержанию (афоризмы, термины, цитаты из латинских авторов). Как правило, латиноязычные вкрапления являются общеизвестными и приводятся без перевода. Однако в некоторых случаях Чехов переводит или объясняет используемые им цитаты. Так, в юмореске «Темпераменты» (1881) характеристика флегматика содержит следующее замечание: «Фраза “Vanitas vanitatum et omnie vanitas” (Чепуха чепух и всяческая чепуха) выдумана флегматиком» [Чехов 1974, т. 1: 81–82]. Приводимый в скобках авторский «перевод» сохраняет синтаксическую конструкцию и стилистику латинского афоризма, но переводом не является. Используемая игра слов нарушает законы русской грамматики (*чепух*). Содержательная замена латинского *'vanitas' (суета)* на *'чепуха'* – дополнительный юмористический штрих к психологическому портрету инертного и безынициативного флегматика.

Шуточный перевод Чехов использует и в рас-

¹ Так, примечательна рубрика одного из сайтов – «Латинские фразы русских писателей», где приведены цитаты, содержащие латинские вкрапления, из произведений более 30 авторов: <https://skio.ru/latin/rus-lat.php>.

² В частности, этот аспект затрагивается в статье С. А. Кибальника «Поэтика медицины» в творчестве А. П. Чехова» [Кибальник 2022].

³ Доровских Л. В. Латинские вкрапления в переписке А. П. Чехова // Филологический класс. 2010. № 24. С. 65.

сказе «Отвергнутая любовь» (1883). Подзаголовок «Перевод с испанского» вводит в околотекстовое пространство фигуру переводчика, который открыто проявляет себя лишь в одном месте – примечании-переводе к песне «прекрасного идадьго»:

«На лбу прекрасного лица выступает пот и начинает капать на горячую землю, а... он все поет.

– *Plenus venter non studet libenter!* – поет он наконец. – *Imperfectum conjunctivi passivi!**

* В переводе сие значит: «О, лучше убей меня, но выйди! Коли не выйдешь, кровь моя брызнет в твоё окно! умираю!» *Примеч. переводчика* [Чехов 1975, т. 2: 15].

Приводимый текст песни – латинские цитаты: крылатое выражение «Сытое брюхо к ученью глухо» и обозначение грамматической глагольной формы прошедшего времени (имперфекта) сослагательного наклонения страдательного залога. Это вполне узнаваемая элементарная гимназическая латынь. Ее поэтический «перевод», эмоциональный, косноязычный и пошлый – чеховская игра с читателем. В. Н. Гвоздей трактует эту игру, выявляя подтекст «все не то, чем кажется»: «Испанский “идадьго” никак не ожидал, что его “чудная, знойная” донна обругает певца за то, что он нарушает ее сон <...> И читатель не ожидал от рассказа с подзаголовком “Перевод с испанского”, что знойная донна заговорит языком современной ему дамочки, а своим грозным предостережением вернет его в Россию. И что последним будет слово “Протокол» [Гвоздей 1999: 53]. Однако, на наш взгляд, латинская вставка и ее «перевод» снижают эффект неожиданности, так как наглядно показывают читателю (оговоримся, читателю – современнику Чехова) уже в процессе чтения (до того, как донна неожиданно заговорит сниженным языком и до финального слова ‘протокол’) уровень профессионализма переводчика, а значит, и всего его текста. «Перевод с испанского» оказывается литературной имитацией, пародией на популярную патетикоромантическую литературу, безвкусию и нелепицу которой наиболее зримо высмеиваются через обыгрывание латинских вставок.

Помимо шуточного перевода в ранних чеховских рассказах встречается шуточная этимология. В заметке «3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка» (1883) слово ‘*куроцан*’ объясняется через латинский язык: «(от латинских слов: “*суро*” – забочусь и “*сарог*” – лакомый кусок). Блюститель, заботящийся о куске обывателя» [Чехов 1975, т. 2: 182]. В обыгрывании русского слова Чехов не ограничивается только звуковым сходством (русский корень *кур-* и латинское *суро*): соответствие второму корню писатель просто придумывает – в латинском языке нет слова ‘*сарог*’. Сконструированное таким образом объяснение меняет семантику слова с отрицательной (похититель *кур* или мелкий чиновник-взяточник) на положительную.

Измененные крылатые выражения

Для начала обратимся к юношеской пьесе «Безотцовщина», опубликованные черновые мате-

риалы которой позволяют судить о формирующейся манере начинающего писателя. Так, многими исследователями отмечено большое количество интертекстуальных связей, пронизывающих пьесу. По наблюдениям И. В. Алехиной, «цитаты, реминисценции, уподобления существуют в “Безотцовщине” и как факт сознания персонажей, и как составляющая авторского кругозора, необходимый автору конструктивный материал, и как способ пробуждения читательских, зрительских ассоциаций» [Алехина 2013: 227].

Наше внимание обратила на себя латинская цитата в речи главного героя пьесы – сельского учителя Михаила Платонова. В разговоре с Глагольевым¹ Платонов резко и нелицеприятно отзываясь о своем умершем отце («Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди» [Чехов 1976, т. 11: 21]), на что Глагольев¹ реагирует: «*De mortuis aut bene, aut nihil*, Михаил Васильич!». В свою очередь, Платонов парирует: «Нет... Это латинская ересь. По-моему: *de omnibus aut nihil, aut veritas*. Но лучше *veritas*, чем *nihil*, поучительнее, по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке...».

Одна и та же латинская пословица¹ преподносится в двух вариантах: Глагольев¹ произносит ее закрепившийся, но неполный (а потому и не передающий полноценно смысл) вариант; Платонов же изменяет начало произнесенного афоризма, заменив *de mortuis* (о мертвых) на *de omnibus* (обо всех), и, сохраняя сокращенную форму, производит лексическую замену, которая более соответствует изначальному смыслу выражения.

Стилистическая и смысловая трансформация афоризма может служить подтверждением того, что начинающий писатель уже нащупал ту основу, на которой будет формироваться уникальный поэтический язык Чехова – создавать многоплановость и глубину текста через детали, штрихи, ассоциативные переключки. Латинская вставка является чертой речевого портрета, свидетельствующей об образованности Платонова. Образованности, выходящей за рамки зазубренного гимназического минимума (в отличие от Глаголева¹ он не просто цитирует латинскую пословицу, но обыгрывает ее содержание). Однако это вполне традиционный литературный прием. Чехов действует тоньше, переделанным латинским афоризмом иллюстрируя внутреннюю парадоксальность героя: Платонов, отрицая авторитет древних («латинская ересь»), моделирует свое собственное оригинальное суждение, но... на латинском языке и семантически близкое к исходному значению той фразы, которой он оппонирует.

Сохранившиеся черновые материалы «Безотцовщины» содержат следы авторской правки текста: Чехов прежде всего удалял длинноты, придавая динамизм действию пьесы. В анализируемой сцене латинскому афоризму предшествовал и за ним следовал достаточно объемный текст (рассуждения Платонова о характере отца и описание по-

¹ *De mortuis aut bene, aut nihil nisi verum*. О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды.

следних часов жизни непутевого родителя)¹. По мнению М. Громова, тем самым Чехов «ослабил монолог Платонова» [Громов 1993: 77], однако, на наш взгляд, именно это сокращение и последовавшая за ним актуализация латинской вставки свидетельствуют о проявлении уже сформированной писательской позиции – идейное содержание доносить через минимум лексических, стилистических и художественных средств. Убрав это обрамление, Чехов не просто сделал сцену динамичнее: упразднение подробностей выкристаллизовало философское наполнение древней сентенции и оттенило идейную позицию самого Платонова – его слова «Полагаю, мертвые не нуждаются в уступке» [Чехов 1976, т. 11: 21] завершают явление и, в свою очередь, походя на афоризм, звучат оригинально, но оформлены вполне традиционно, в духе и стилистике законсервированной мудрости.

Сразу четыре латинских выражения в юмореске «Контора объявлений Антоши Ч...» (1881 г.) буквально нанизаны друг на друга в блоке «В музее Винклера». Первым встречается переделанное восклицание Яна Гуса «O sancta simplicitas!»: описание двух старых лошадей, являющихся экспонатами музея, содержит следующее замечание: «говорят, что это лучшие из театральных лошадей. Для скачек едва ли годны... Театральное дело любят и (o, equina simplicitas! (o, лошадиная простота – А. С.)) считают себя непременимыми членами артистической корпорации» [Чехов 1974, т. 1: 102]. Латинская ремарка, с одной стороны, дополнительно подчеркивает старость и даже дряхлость рекламируемых лошадей, одной из которых 67 лет, а другой – 84, а с другой – становится характеризующей чертой театральной сущности лошадей-артистов.

К появляющемуся в следующем пункте описания экспонатов музея персонажу, «иезуиту» Цитовичу, относятся сразу два латинских высказывания: «Портрет иезуита Цитовича в монашеской одежде. Уста раскрыты, и правая рука внушительно поднята вверх. Под ним подпись: “Veni, vidi, non vici, взял и ... разумеется, ушел. *Noto maximissimus*”» [Чехов 1974, т. 1: 102]. Цитович упоминается в юмореске ранее как соавтор («социус») книжной новинки в магазине «Нового времени» Суворина – оды «Туда ему и дорога!» [Чехов 1974, т. 1: 100]. Прототип персонажа – действующий статский советник Петр Петрович Цитович, который стал известен благодаря своим публикациям, направленным против Н. Чернышевского и журнала «Отечественные записки». Согласно исследованию, проведенному Г. Шалюгиным, полемика с Цитовичем, вынесенная на страницы «Отечественных записок», была знаком Чехову и, более того, подтолкнула его к созданию «Письма ученому соседу», в котором «проявилась собственно-чеховская творческая ментальность», когда начинающий писатель сосредоточился «на приемах иронического саморазоблачения персонажа, то есть на собственно художественных задачах» [Шалюгин 2004: 14]. От себя дополним, что одним из инструментов такого саморазоблачения яв-

ляется латынь: перефразированное изречение Цезаря, знаменующее быструю и сокрушительную победу, ставшее образцом емкости и краткости, передается лексически (к *vici* ('победил') добавляется отрицательная частица *non* – получается «не победил») и стилистически: по-русски добавленное продолжение фразы, растянутое многоточием и вводным словом, разрушает стилистику афоризма. Таким образом, уподобление Цезарю приводит к обратному эффекту – значимость персонажа нивелируется. Высмеивание Цитовича (не конкретного человека, а скорее – определенного человеческого типа) продолжается далее латинской формулировкой «*Noto maximissimus*». Языковая игра реализуется здесь на грамматическом уровне: форма *maximissimus* является неправильно образованной превосходной степенью прилагательного *magis* ('большой, великий'). Если попробовать перевести это на русский язык, получится что-то вроде 'величайнейший'. Латинская подпись знаменует собой пафос, лишенный смыслового наполнения.

Еще одна из редкостей музея Винклера – белая крыса огромного размера (1/4 фута – чуть меньше 40 сантиметров) с латинским определением, данным в скобках, *stultum animal* [Чехов 1974, т. 1: 102], что в переводе означает «глупое животное». Латинской вставкой Чехов дополняет абсурдность рекламируемой музейной коллекции: при внешнем соблюдении научного правила дублировать русское (бытовое) название животного его латинским (научным) названием, латинская часть не наполнена терминологическим смыслом (белая крыса не имеет такого латинского определения) и дается с нарушением порядка слов (в терминологической номенклатуре сначала ставится существительное, потом – прилагательное). С учетом этого контекста получается, что латинское название, приводимое Чеховым, является не термином, а характеристикой «редкости», но характеристикой, которую сможет идентифицировать образованный читатель. Именно в этом состоит создаваемый писателем комический эффект.

Таким образом, уже в ранней публикации «Контора объявлений Антоши Ч...» обнаруживается особенность латинских вкраплений: они создают внешний эффект значимости или научности, но их содержание (доступное не каждому читателю) в силу лексического наполнения и грамматического оформления указывает на противоположное. Значимость оборачивается чванливостью, научность – наукообразием.

Авторские латинские выражения

Примечательна роль латинских вкраплений в рассказе «Два романа» (1883 г.). В первой части рассказа повествование ведется от лица врача, и профессиональная принадлежность рассказчика усердно подкрепляется латинскими вставками (всего их в рассказе, занимающем полторы страницы, восемь).

Начало рассказа выстраивается по законам составления рецепта – жизненный совет превращается в точную рекомендацию, оформленную как

¹ См. [Чехов 1976, т. 11: 336–337].

латинская часть рецепта: «Если ты достиг возмужалости и кончил науки, то *recipe: feminam unam* («возьми: женщину одну») и приданого *quantum satis* («сколько достаточно»)» [Чехов 1974, т. 1: 481]. Дальнейшее описание приданого, супруги и образа жизни после женитьбы конкретное и четкое, как в рецепте или в анамнезе больного. Однако, начиная с пятого абзаца, ритм повествования замедляется. Судьба добавляет в рецепт счастливой супружеской жизни свой ингредиент: жена рассказчика обладает всего одним, но существенным недостатком – болтливостью, которая сильно досаждала доктору, вызывая у него «гиперэстезию правого слухового нерва» и «сердцебиение». Герой резюмирует сложившееся положение: «Прав был тот философ, который сказал: “*Lingua est hostis hominum amicusque diaboli et feminarum*” (Язык есть враг людей и друг дьявола и женщин)» [Чехов 1974, т. 1: 481]. Используемое Чеховым латинское выражение оформлено как цитата некоего философа (в сохранившемся черновике имеется деталь: «один древний (выделено мной – А. С.) философ сказал» [Чехов 1974, т. 1: 543]).

Примечательно, что эта же латинская фраза встречается в другом «медицинском» рассказе этого периода – в «Краткой анатомии человека» (1883 г.), где язык как один из органов человеческого тела определяется следующим образом: «Язык. По Цицерону: *hostis hominum et amicus diaboli feminarumque*¹. С тех пор, как доносы стали писаться на бумаге, остался за штатом. У женщин и змей служит органом приятного времяпрепровождения. Самый лучший язык – вареный» [Чехов 1974, т. 2: 200]. Однако Цицерон подобным образом никогда не высказывался, более того – выражение не принадлежит ни одному из древних философов. По замечанию авторов «Словаря латинских крылатых слов» под ред. Я. Боровского, фраза является авторским текстом Чехова [Бабичев 1999: 336]. Писательский ход, ярко характеризующий чеховскую манеру, – выводить языковую игру на уровень фальсификации², вовлекая в эту фальсификацию читателя: образованный или думающий³ разгадает и посмеется, не обладающий нужными знаниями и критическим мышлением примет за чистую монету⁴.

¹ Обращает на себя внимание вариативность использования соединительных союзов *et* и *-que* (*amicusque / et amicus*, *et feminarum / feminarumque*), что также свидетельствует о том, что фраза не является устойчивым выражением.

² Ср.: в этом же году вышел рассказ «Философские определения жизни», состоящий из набора афоризмов, приписываемых знаменитым мыслителям, набор которых сам по себе красноречив (И. Кант, Г. Т. Бокль, Конфуций, Жорж Санд, Сара Бернар, А. Араби-паша, Ж. Шарко). Но все приводимые в юмореске афоризмы являются пародийными.

³ Даже не зная латыни, можно логически рассудить, что Цицерон о дьяволе говорить не мог.

⁴ В этом смысле символична судьба чеховского афоризма, который во многих современных источниках указан как античный. Так, например, интернет-портал *dslov.ru* утверждает: «Язык – враг людей и друг дьявола и женщин – старинная поговорка Древнего Рима, осуждающая излишнюю болтливость» (https://dslov.ru/pos/38/p38_403.htm). В «Большой книге афоризмов» М. В. Адамчика говорится о том, что автор фразы не

По мнению О. С. Ильченко, придуманный афоризм обнаруживает «страсть Чехова к языковым играм, в которые он вовлекает своих хорошо образованных персонажей» [Ильченко 2020: 141]. Однако нам кажется, что остроумный латинский афоризм – плод языкового творчества Чехова, а не его героя. Доктор-повествователь застрял в житейском и профессиональном тупике: его речь наполнена штампами и чужими мыслями, усвоенными как истина в последней инстанции, истина, которую не нужно проверять. Текст, идущий от лица героя, наукообразен, так как использованные чужие мысли подкреплены ссылками на источники и медицинскими терминами. Так, первую отсылку герой делает на... Ихтиозавра (в черновике указан Фалес, один из семи древнегреческих мудрецов; но его фигура, видимо, оказалась слишком конкретной и не такой уж «древней»), упоминание которого оформлено по научным правилам с использованием сочетания римских и арабских цифр: «Еще древние порицали тех, которые, женясь, не берут приданого (Ихтиозавр, XII, 3)» [Чехов 1974, т. 1: 481]. Среди упомянутых доктором авторитетов – французский невропатолог Ж. Шарко и немецкий хирург Т. Бильрот. Но их имена используются для подтверждения сомнительной с медицинской и этической точки зрения операции – ампутации языка. Однако рассказчик вполне уверен не только в реальности подобного способа «лечения», но и в его эффективности; кроме того, у него возникают предположения, как эту эффективность можно повысить («я предлагаю ампутацию языка соединить с ношением рукавиц» [Чехов 1974, т. 1: 482]).

С помощью речевого портрета Чехов создает образ внешне образованного, но интеллектуально и эмоционально неразвитого человека. Наши наблюдения вполне коррелируют со ставшим классическим исследованием А. П. Чудакова, который с помощью статистических методов определил векторы эволюции чеховского повествования: в ранних рассказах Чехов явно экспериментирует с позицией повествователя, и, по наблюдениям Чудакова, именно с 1883 г. проявляется тенденция, когда «речевое обличье» рассказчика перестает совпадать с авторской позицией. Во многих рассказах 1883–1886 гг. «субъективная оценка и высказывания повествователя выдержаны в каком-либо одном лексическом ключе, создают определенную маску рассказчика» [Чудаков 1971: 26–27]. Используемая для создания маски языковая игра становится основным инструментом тонкой иронии: в «Двух романах» имитация научности символизирует самодовольную заурядность. В полной мере оценить чеховскую иронию может внимательный и образованный читатель. Как заметил И. Н. Сухих, исследовавший особенности поэтики ранних рассказов Чехова, «кругозор читателя учитывается постоянно», повествователь и читатель общаются на равных, и в этой позиции можно увидеть «доверие к читателю, расчет на его активность и нрав-

установлен: «Язык враг людей и друг дьявола и женщин. Неизвестный автор» [Большая книга 2011: 1043].

ственную чуткость, на его своеобразное “сотворчество”» [Сухих 1987].

Знаменательно, что «женская» тема становится поводом еще для одного латинского выражения, встречающегося в ранней прозе Чехова. В юмореске «О женщинах» (1886 г.) герой-рассказчик всячески обличает женщин. Несмотря на то, что личность человека, от лица которого идет повествование, не конкретизирована (мы не знаем его имени, возраста и, в отличие от героя «Двух рассказов», профессии), его характер ярко проявляется в речевом портрете: соединение просторечной и книжной лексики («Затарантила таранта! Ну, да и логика же, господи, прости ты меня грешного!» [Чехов 1974, т. 5: 114]), научных формулировок и лексической несочетаемости («анатомическое строение ее стоит ниже всякой критики» [Чехов 1974, т. 5: 113]) свидетельствует о недообразованности и поверхностной начитанности. В примечаниях к рассказу составители полного собрания сочинений отмечают, что юмореска – пародийно-сатирический отклик Чехова на вышедшую в 1886 г. книгу «О женщинах. Мысли старые и новые» [Чехов 1974, т. 5: 627], которая состояла из высказываний, направленных против женской эмансипации. Герой Чехова также ссылается на авторитетные мнения, в числе которых – изречение из «одной старинной книги»: «В одной старинной книге сказано: *Mulier est malleus, per quem diabolus mollit et malleat universonum mundum*” (Женщина есть молот, которым дьявол размягчает и молотит весь мир)» [Чехов 1974, т. 5: 114]. Слово *malleus* да и смысл фразы в целом отсылает к трактату XV в. «*Malleus maleficarum*» (принятый перевод «Молот ведьм»), написанному на латинском языке и имевшему широкое распространение в Европе – именно с этой книги начинается расцвет охоты на ведьм, унесшей десятки тысяч жизней. В «Молоте ведьм» последовательно доказывается, что к колдовству склонны именно женщины, так как «*mala ergo mulier ex natura*» («ведь женщина плохая по (своей) природе») [Institoris 1494: XX]. В контексте затронутой выше темы болтливости характерно и следующее утверждение: «*Dicunt enim tria esse in rerum natura. lingua. ecclesiasticus et femina. que medium in bonitate aut malicia tenere nesciunt*» («Говорят, ведь, что есть в природе вещей три – язык, священник и женщина, – которые середину в добре и зле удерживать не умеют») [Institoris 1494: XIX]. Трактат изобилует цитатами из античных (Сократ, Сенека, Цицерон, Теренций), христианских авторов и Священного Писания, что должно производить эффект доказательного рассуждения. Однако используемая аргументация зачастую однобока (например, приводятся сюжеты из священной и мировой истории о «плохих» женщинах, но не приводятся о «хороших») и не научна даже с точки зрения уровня науки XV в.¹ По оценке проф. С. Ло-

зинского, «Молот ведьм» – «прежде всего большой исторический памятник человеческого невежества и суеверия» [Лозинский 1932: 57].

Выражения, которое Чехов приводит в рассказе, в «Молоте ведьм» нет. Но его лексическое наполнение (*mulier, malleus, diabolus*) однозначно у образованного читателя вызывает ассоциацию с инквизиторским трактатом. Кроме того, характер рассуждения и качество приводимых примеров («один отставной поручик, обокравший тещу и щеголявший в жениных полусапожках, уверял, что если человек произошел от обезьяны, то сначала от этого животного произошла женщина, а потом уж мужчина», «Изучать науки женщина неспособна. Это явствует уже из одного того, что для нее не заводят учебных заведений» [Чехов 1974, т. 5: 113–114]) укрепляют эту ассоциацию. Не вдаваясь в историографические рассуждения, где и когда Чехов мог познакомиться с «Молотом ведьм» (этот вопрос требует отдельного рассмотрения), отметим стилистические, структурные и смысловые параллели с юмореской «О женщинах»: обличительный пафос, апелляция к авторитетным мнениям, утверждение физиологической и психологической неразвитости женщин. Чехов создал двойную пародию – высмеивая современное издание, он иронизирует над его псевдонаучностью, ярчайшим образцом которой является «Молот ведьм»: рассуждения героя рассказа, живущего в конце XIX века, так же дремучи, как женоненавистнические постулаты теоретиков инквизиции.

Выводы

Приведенные нами примеры авторской латыни Чехова не просто подтверждают, что писатель знал латинский язык: рассмотренные вкрапления являются сознательно измененными или придуманными выражениями, которые выполняют целый ряд стилистических и смысловых функций. Являясь элементом речевого портрета персонажа, от лица которого ведется повествование, латинские вставки создают внешний эффект литературности, образованности и научности. Однако вдумчивое их прочтение и критическое осмысление выявляют новые, зачастую противоположные смыслы: литературность оказывается безвкусицей, научность – наукообразностью, образованность – набором поверхностных знаний, зачастую граничащих с глупостью. Социокультурная ситуация второй половины XIX в., когда латинский язык был одним из основных элементов кругозора в силу обязательного изучения в гимназии, помогала современному Чехову читателю быстрее проникать в языковую игру, предлагаемую автором. Читателю XXI века эта игра дается значительно труднее.

Считаем нужным отметить, что Чехов не развенчивает культурную значимость латыни – измененные и созданные им выражения обладают языковой точностью и стилистической стройностью, соответствуя классическим образцам афористики.

на – это *fe* и *minus* (меньше): поэтому всегда меньше имеет и хранит веры и это от природы ведет к легковерию).

¹ Очень показательный пример – объяснение этимологии слова *femina* «женщина»: «*Dicitur enim femina fe. & minus. quia semper minorem habet et seruat fidem et hoc ex natura quo ad fidelitatem*» [Institoris 1494: XIX] (Считается, ведь, что (слово) женщи-

Приемы пародии и тонкой иронии, основанные на материале латинского языка, являются яркими примерами идиостиля Чехова, за краткостью и

лаконичностью скрывающего многослойность аллюзий и смыслов.

Источники

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974–1982.

Institoris, H. *Malleus Maleficarum* / H. Institoris. – Nürnberg : Anton Koberger, 1494. – 294 p. – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000019368/view/#page=> (дата обращения: 21.03.2024). – Текст : электронный.

Литература

Алехина, И. В. Человек и действительность в пьесе А. П. Чехова «Безотцовщина» / И. В. Алехина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 226–234.

Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов: 25000 единиц / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский ; под ред. Я. М. Боровского. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1999. – 784 с.

Большая книга афоризмов / авт.-сост. М. В. Адамчик. – Минск : Харвест, 2011. – 1056 с.

Ваганов, А. В. Использование русских поэтических текстов на занятиях по латинскому языку / А. В. Ваганов // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2014. – № 2. – С. 7–11.

Васильева, С. А. Латинские слова и выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского / С. А. Васильева // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Филология». – 2013. – Вып. 6. – С. 20–26.

Гвоздей, В. Н. Секреты чеховского художественного текста : монография. / В. Н. Гвоздей. – Астрахань : Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. – 128 с.

Громов, М. П. Чехов / М. П. Громов. – М. : Молодая гвардия, 1993. – 448 с.

Древние языки в русской литературе XIX века / Ю. Н. Варзониин, С. А. Васильева, Е. П. Максимова, А. Ю. Сорочан. – Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2015. – 196 с.

Жидкова, Ю. Б. Функционирование медицинской терминологии в рассказах А. П. Чехова / Ю. Б. Жидкова // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. II. – С. 84–89.

Ильченко, О. С. Латинские вкрапления в русской литературе второй половины XIX в. / О. С. Ильченко // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 3(23). – С. 140–144. – DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.7>.

Кибальник, С. А. «Поэтика медицины» в творчестве А. П. Чехова / С. А. Кибальник // Русская литература. – 2022. – № 3. – С. 35–41. – DOI: [10.31860/0131-6095-2022-3-35-41](https://doi.org/10.31860/0131-6095-2022-3-35-41).

Лозинский, С. Роковая книга средневековья / С. Лозинский // Молот ведьм / Я. Шпренгер и Г. Инститориус ; пер. с лат. Н. Цветкова ; предисл. проф. С. Г. Лозинского и проф. М. П. Баскина. – 1-е изд. – Борисов : ОГИЗ ГАИЗ Атеист, 1932. – С. 3–57.

Скоропадская, А. А. Горацианские цитаты в переписке И. С. Тургенева / А. А. Скоропадская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2015. – № 7(152). – С. 98–101.

Солопов, А. И. Латинский язык в жизни и творчестве М. В. Ломоносова / А. И. Солопов // Научные доклады филологического факультета МГУ. Т. 7. – М. : Издательство Московского университета, 2013. – С. 16–24.

Суровцева, Е. В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе и драматургии А. П. Чехова: предварительные результаты / Е. В. Суровцева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 60–64.

Сухих, И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 180 с. – URL: <http://arckehhov.ru/books/item/fo0/soo/zo000039/index.shtml> (дата обращения: 01.07.2023). – Текст : электронный.

Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / под общ. ред. А. А. Поликарпова. – М. : МАКС Пресс, 2012. – 571 с.

Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М. : Наука, 1971. – 291 с.

Шалюгин, Г. А. История первой публикации А. П. Чехова / Г. Шалюгин // Шалюгин Г. А. Чехов: «жизнь, которой мы не знаем...». – Симферополь : Таврия, 2004. – С. 14–23.

Шаталова, О. В. Классическая фразеология и грамматика как компонент языковой личности А. С. Пушкина / О. В. Шаталова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 116–119.

Шевченко, Л. И. Античная рецепция и медицина в творчестве А. П. Чехова / Л. И. Шевченко // Язык медицины : материалы всероссийской научно-методической конференции «Методические и лингвистические аспекты международной медицинской терминологии». Вып. 4. – Самара, 2013. – С. 196–201.

References

Adamchik, M. V. (2011). *Bol'shaya kniga aforizmov* [The Big Book of Aphorisms]. Minsk, Harvest. 1056 p.

- Alekhina, I. V. (2013). Chelovek i deistvitel'nost' v p'ese A. P. Chekhova «Bezottsovshchina» [Man and Reality in A. P. Chekhov's Play "Fatherlessness"]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1, pp. 226–234.
- Babichev, N. V., Borovsky, Ya. M. (1999). *Slovar' latinskikh krylatykh slov: 25000 edinits* [Dictionary of Latin Catchwords: 25000 Units]. 4th edition. Moscow, Russkii yazyk. 784 p.
- Chekhov, A. P. (1974–1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete Collection of Works and Letters, in 30 vols. Works, in 18 vols.]. Moscow, Nauka.
- Chudakov, A. P. (1971). *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow, Nauka. 291 p.
- Gromov, M. P. (1993). *Chekhov* [Chekhov]. Moscow, Molodaya gvardiya. 448 p.
- Gvozdey, V. N. (1999). *Sekrety chekhovskogo khudozhestvennogo teksta* [Secrets of Chekhov's Literary Text]. Astrakhan, Izdatel'stvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 128 p.
- Ilchenko, O. S. (2020). *Latinskie vkrapleniya v russkoi literature vtoroi poloviny XIX v.* [Latin Inclusions in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century]. In *Russian Linguistic Bulletin*. No. 3(23), pp. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.7>.
- Institoris, H. (1494). *Malleus Maleficarum*. Nürnberg, Anton Koberger. 294 p. URL: [https://vivaldi.nlr.ru/bx000019368/view/#page=\(mode of access: 21.03.2024\)](https://vivaldi.nlr.ru/bx000019368/view/#page=(mode%20of%20access%3A21.03.2024)).
- Kibalnik, S. A. (2022). «Poetika meditsiny» v tvorchestve A. P. Chekhova [“Poetics of Medicine” in the Work of A. P. Chekhov]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 35–41. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-35-41.
- Lozinsky, S. (1932). *Rokovaya kniga srednevekov'ya* [Fatal Book of the Middle Ages]. In Shprenger, Ya., Institoris, G. *Molot ved'm*. 1st edition. Borisov : OGIZ GAIZ Ateist, pp. 3–57.
- Polikarpov, A. A. (Ed.). (2012). *Chastotnyi grammatiko-semanticheskii slovar' yazyka khudozhestvennykh proizvedenii A. P. Chekhova s elektronnyim prilozheniem* [Frequency Grammatical-Semantic Dictionary of the Language of Works of Art by A. P. Chekhov with an Electronic Application]. Moscow, MAKS Press. 571 p.
- Shalyugin, G. A. (2004). Istoriya pervoi publikatsii A. P. Chekhova [History of the First Publication of A. P. Chekhov]. In Shalyugin, G. A. *Chekhov: «zhizn', kotoroi my ne znaem...»*. Simferopol, Tavriya, pp. 14–23.
- Shatalova, O. V. (2017). Klassicheskaya frazeologiya i grammatika kak komponent yazykovoii lichnosti A. S. Pushkina [Classical Phraseology and Grammar as a Component of the Language Personality of A. S. Pushkin]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. Vol. 23. No. 3, pp. 116–119.
- Shevchenko, L. I. (2013). Antichnaya retseptsiya i meditsina v tvorchestve A. P. Chekhova [Antique Reception and Medicine in the Work of A. P. Chekhov]. In *Yazyk meditsiny: materialy vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Metodicheskie i lingvisticheskie aspekty mezhdunarodnoi meditsinskoi terminologii»*. Issue 4. Samara, pp. 196–201.
- Skoropadskaya, A. A. (2015). Goratsianskie tsitaty v perepiske I. S. Turgeneva [Goratian Quotes in the Correspondence of I. S. Turgenev]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7(152), pp. 98–101.
- Solopov, A. I. (2013). Latinskii yazyk v zhizni i tvorchestve M. V. Lomonosova [Latin Language in the Life and Work of M. V. Lomonosov]. In *Nauchnye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU*. Vol. 7. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 16–24.
- Sukhikh, I. N. (1987). *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of Poetics of A. P. Chekhov]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 180 p. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/fof/soo/zoo00039/index.shtml> (mode of access: 01.07.2023).
- Surovtseva, E. V. (2011). Inoyazychnye vkrapleniya v khudozhestvennoi proze i dramaturgii A. P. Chekhova: predvaritel'nye rezul'taty [Foreign Inclusions in the Fiction and Dramaturgy of A. P. Chekhov: Preliminary Results]. In *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 1, pp. 60–64.
- Vaganov, A. V. (2014). Ispol'zovanie russkikh poeticheskikh tekstov na zanyatiyakh po latinskomu yazyku [The Use of Russian Poetic Texts in Latin Classes]. In *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. No. 2, pp. 7–11.
- Varzonin, Yu. N., Vasilieva, S. A., Maksimova, E. P., Sorochan, A. Yu. (2015). *Drevnie yazyki v russkoi literature XIX veka* [Ancient Languages in Russian Literature of the 19th Century]. Tver, Izdatel'stvo Mariny Batasovoi. 196 p.
- Vasilieva, S. A. (2013). Latinskie slova i vyrazheniya v khudozhestvennykh proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo [Latin Words and Expressions in the Works of Art by F. M. Dostoevsky]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Filologiya»*. Issue 6, pp. 20–26.
- Zhidkova, Yu. B. (2007). Funktsionirovanie meditsinskoi terminologii v rasskazakh A. P. Chekhova [The Functioning of Medical Terminology in the Stories of A. P. Chekhov]. In *Vestnik VGU. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, part. II, pp. 84–89.

Данные об авторе

Скоропадская Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).
Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.
E-mail: san19770@mail.ru.

Author's information

Skoropadskaya Anna Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).